

БИЛЕТ В ПОРЯДКЕ ЛИЧНЫХ СВЯЗЕЙ

(Окончание. Начало на 1-й стр.).

смотреть выступление артистов «Ла Скала». И сидят, как правило, на престижных местах...

Но даже если не разделять его категоричность (не пойманный, как известно, еще не вор), нельзя не признать, что едва ли не на две трети театр заполняла весьма своеобразная публика. Я, к сожалению, не специалист по борьбе с отечественной или зарубежной мафией, но могу засвидетельствовать: многие посетители театра вполне соответствовали расхожим представлениям о «крестных отцах» и их телохранителях. Сходство усиливало благодаря непременно наличию в подобных компаниях «интердевочек», которые и не думали утаивать от мира свою профессиональную принадлежность. Нередко даже во время действия эта «изысканная» публика лила рекой шампанское в театральном буфете, закусывая икрой, вызвавшей соблазн и, соответственно, конфликт с таможенщицей у некоторых итальянских артистов. (Кстати, помните «За все заплачено. Московский кинофестиваль в криминальном аспекте» С. Говорухина? — «СК» от 1 августа с. г. — «Почерк» действующих лиц, похоже, один и тот же).

Надо полагать, у этой части зрителей проблем с проникновением в театр не существовало. Хотя, понятное дело, ни в каких заявках и приказах на распределение билетов они не числятся. Кстати, а кто же был обладателем министерским приказом? Думаю, читателям тоже прелюбопытно узнать это. Пожалуйста. Среди счастливиц — Главное таможенное управление и ветеринарный карантин, карантин растений и служба размещения в номерах гостиницы «Россия», Желдорэкспорт и Аэрофлот (разумеется, отнюдь не летный состав). Профком Министерства культуры СССР взял для себя с самого начала 250 билетов, а вот аппарату Госконцерта досталось сразу... 1.792! Для сравнения: Московская консерватория и Институт имени Гнесиных получили всего по 20 билетов, ведущие московские музыкальные училища — вовсе по 10. По сути, столько же, сколько горком партии города Стерлитамака (уж он-то здесь как оказался?).

Основные претензии, связанные с билетами, по ходу гастролей предъявлялись (в том числе и со страниц печати) Госконцерту СССР. К тому, что он в последнее время подвергается жесточайшей и весьма заслуженной критике, по привычке уже все. Работники этой организации, складывается впечатление, — в первую очередь: ни реакции, ни конкретных перемен. Но тут-то уж в прессе промелькнули цифры такие, что не заметить их было просто невозможно — 500 и 1.000 билетов на каждый спектакль имел Госконцерт для распределения по заявкам соответственно в Большой театр и Кремлевский Дворец съездов. Естественно, возмущению зрителей не было предела, телефон в нашей редакции буквально раскалывался от не-

годующих звонков. Куда, мол, деваются билеты? Кто их «заначивает»?

Ответ руководства Госконцерта обескуражил.

— Да, мы имели в своем распоряжении именно такое количество билетов, — подтвердил заместитель генерального директора А. Седов. — Но не забывайте, что мы поставлены в такие условия, что, вполне естественно, нам приходилось удовлетворять заявки, поступающие от десятков подразделений сферы обслуживания. Гостиничные службы и службы питания, рестораны, кассы Аэрофлота, парки легковых автомашин, бригады грузчиков... И все говорят: «Дай!». Ведь мы от них зависим. Простой пример. В гостинице «Москва» нам выделяют для гостей три номера вместо пяти и тут же просят «для урегулирования вопроса» бронь на «Ла Скала». Чтобы получить в 1-м автокомбинате «Чайку» для итальянцев, мы должны выделить 5—6 броней для руководства комбината, иначе машины нам не выдать. Надо отписать К. Бадии по его просьбе самолетом в Ленинград — выложить бронь Аэрофлоту. И так на каждом шагу. У нас сейчас резко возрос поток приезжающих в нашу страну зарубежных артистов, только в сентябре—октябре приняли до 2,5 тысячи человек. Как обеспечить им нормальные условия? Только с помощью личных связей. Вот если бы у Госконцерта были своя гостиница, свой транспорт — тогда другое дело. Но у нас ничего этого нет. В январе 1987 года вышло постановление Совмина о том, чтобы передать Госконцерту гостиницу «Бухарест», выделить 30 автобусов. Моссовет должен был обеспечивать помощь и в расселении гостей в центральных гостиницах. Однако все эти решения так и остались на бумаге, и каждый раз мы выступаем в роли просителей. Знаете, происходит прямо по Жванецкому: я у всех прошу за свои деньги. А что до самого нашего коллектива, то он на гастроли «Ла Скала» имел 20—30 процентов брони на каждый спектакль (не так уж и мало, скажем прямо. — Прим. автора) и разыгрывал ее так же, как и сотрудники любого другого учреждения.

При всех «но» не могу не посочувствовать (совершенно искренне) Александру Валентиновичу. Когда несовершенна вся система, невозможно, не меняя ее кардинально, добиться идеального функционирования какой-то отдельной взятой части. Вот только по двум моментам хочу высказать несогласие с А. Седовым. Все-таки в отличие от героя М. Жванецкого он просит не за свои, а за государственные деньги. Есть некоторая разница? И не грех бы задуматься всему руководству Министерства культуры и Госконцерта СССР, как разорвать порочный круг вместо того, чтобы усердно укреплять в нем свое персональное звено «личных связей».

И еще. Не знаю, как уж там «разыгрывали» (или, может, «заигрывали») места на «Ла

Скала» в Госконцерте, только с «Принцессой Турандот», к примеру, пишущие на темы музыкального театра журналисты «Советской культуры» познакомились благодаря, главным образом, доброму расположению к одному из наших коллег виолоне рядового сотрудника Госконцерта. Посетовав вместе с ним на горькую жизнь меломанов, он подарил редакции из своих запасов три брони — на два билета каждая. И хотя бы уже поэтому мне представляется не слишком убедительной версия ряда ответственных лиц, будто колоссальная спекуляция билетами у стен Большого театра — дело рук инвалидов и других граждан, по несколько раз отстававших очередь в кассы. Чтобы подпольная торговля приняла такие масштабы, как в эти дни, нужна беспрестанная и бесконтрольная утечка большого количества билетов через какие-то другие «щели». Сейчас совершенно очевидно: именно это «имело место быть».

Госконцерту — госконцертово... И все же основные вопросы мне хотелось бы адресовать не только или, вернее, не столько ему. Эту организацию курирует и направляет Министерство культуры СССР. Ведь если уж переговоры с руководством «Ла Скала» Госконцерт вел некомпетентно (о какой компетентности говорить, когда гастроли оказались для советской стороны убыточными), если не было ничего сделано заблаговременно для обеспечения нормальной работы итальянской труппы в Москве, то навряд ли министерство может позволить себе занять позицию третейского судьи.

Картина вырисовывается форменным образом постыдная. Знаете ли вы, отчего на сей раз билеты стоили гораздо дороже, чем всегда в подобных случаях? «Итальянцы все время оттягивали подписание договора, — объяснял мне уже упоминавшийся заместитель министра культуры СССР В. Казенин. — Туда ездили генеральный директор ГАБТа Коконин, представитель Госконцерта, но их сторона все тянула. Потом был летний отпуск, естественно, тогда дирекции не было и подписать договор мы тоже не смогли. Когда мы приехали за месяц до гастролей, когда уже поезд фактически ушел и декорации уже поехали туда-сюда, они дали нам такой телекс: мол, подтверждают приезд коллектива на таких финансовых условиях, чтобы вся оплата шла только в валюте. Это 1 миллион 800 тысяч долларов. А мы на всю концертную жизнь имеем в год 1,5 миллиона долларов в виде дотации Госконцерту. Предварительный договор был 260 тысяч долларов. И вот началась в последний момент эта борьба. Мотивировалось это тем, что у них солисты из разных стран, которые привыкли к высокой оплате. И когда мы предложили рубли, они довольно бесцеремонно ответили: нам ваши советские рубли не нужны. В конце концов мы вырулили на грандиозную для нас сумму, потому что международный обмен, общение — это

очень важно. И все солисты получали оплату в валюте. Мы выходили из положения всеми возможными способами и, в частности, решили поднять цены на билеты. Впрочем, до вполне допустимого предела. Ведь за рубежом цены на билеты тоже очень высоки».

Вот ведь как выходит! Страна, которая по крохам собирает средства на пенсии старикам и инвалидам, на пособия вдовам и сиротам, теряет весьма круглую сумму в инвалюту лишь потому, что кто-то бездарно и безответственно проиграл обычную для международной практики коммерческую сделку. Значения международных контактов никто не оспаривает. Однако сотрудничество лишь тогда таковым и является, если оно взаимовыгодно. В данном случае взаимной выгодой, как говорится, и не пахнет.

Оставим художественную, эстетическую сторону дела (тут мнения, как известно, расходятся) и зададим ответственным лицам один вопрос: почему они сочли себя вправе пробовать такую долларную прореху в нашем и без того дефицитном бюджете? Слишком дорогой оказалась цена доступного отнюдь не всем зрителя. Ударили по карману рядового зрителя и рублем, взвинтив цены.

Впрочем, спасибо, что при нынешнем уровне экономической компетентности минокультурных чиновников мы отделались только этим.

— Теперь понимаю, — услышала я от начальника управления музыкального искусства В. Демьяненко, — что надо было сделать в партер билеты по 50—60 рублей, а на галерке можно было и по три-четыре. Тогда бы и спекуляции не было...

Кто бы ему растолковал простейшую истину: спекулятивная цена всегда возрастает пропорционально государственной? Ну да не только об этом разговор. А как соотносились бы предлагаемые В. Демьяненко цены (нет гарантии, что идея не будет реализована впоследствии, во время других гастролей) с зарплатой рядовых труженников? Они и сейчас-то ощутимо были по семейному бюджету...

Ответ последовал незамедлительно:

— Знаете, если все время думать о простых смертных, много не сделаешь.

Вот так, мимоходом решаю, оказывается, любые вопросы за нас, но без нас.

И последнее. Никто из должностных лиц не отрицал в ходе бесед, что сама система организации гастролей несовершенна. Так где же выход?

— Я считаю, что билеты в Большой театр должен продавать сам Большой театр, — такое мнение коллектива, высказанное первым заместителем генерального директора ГАБТа В. Захаровым. — Тогда все будет в одних руках и будет с кого спросить. Госконцерт нам не нужен, как и любые другие посредники. Пока что спектаклями и артистами Большого торгуют, а театр от этого ничего не имеет. С будущего года мы наконец получаем право на

самостоятельную международную деятельность, в том числе и на организацию гастролей.

Похоже, войне между Большим театром и Госконцертом, на которую обращают внимание даже гости, приходит конец. Хорошо бы, чтоб это стало началом принципиально новых подходов, нового отношения к международному сотрудничеству в области культуры и искусства.

Мир повернулся к нам лицом, поверил в провозглашенные принципы нового мышления в межгосударственной политике. Прежде всего потому, что убедился: за ними незамедлительно последовали конкретные дела. Однако, к сожалению, еще не всегда и не везде нас считают до конца надежными партнерами. И потому не будем забывать: авторитет, заработанный самыми серьезными политическими акциями, может быть подмочен на уровне бытового, повседневного. Кроме дипломатии государственной, есть еще и дипломатия народная. И здесь далеко не последнюю роль играют обменные гастроли мастеров искусства. Чинովничье бездействие и пренебрежение своими прямыми обязанностями дало повод гостям из Милана сделать вывод о нестабильности перестройки, усомниться в целесообразности контактов с нами. А вдруг им поверят, вдруг это мнение окажется решающим для других художественных коллективов, которые хотели бы приехать в СССР? Авторитет «Ла Скала» достаточно высок...

Но что до этого чиновниного люду? Он ведь привык перенасовывать любое дело из кабинета в кабинет, запутывать длинную бюрократическую цепочку настолько, что не найдешь ни конца, ни начала, не говоря уже о виновных. И уверен наш чиновник, что не окажется он в положении известного киногероя, пердидового деятеля из «главного управления свободного времени», собирающего подаяние по электричкам под жалостную песенку: «Помогите медью трудовой, перед вами жертва ускорения».

Может, стоит его на этот раз разочаровать?

Марина ДОЛГАНОВА.

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР

По ТАССу пришло сообщение: газета «Стампа» рассказала о том, что споры между Госконцертом и «Ла Скала» становятся все ожесточеннее. «Милан, — говорится в сообщении, — грозит издать «черные книги» о московских злоключениях специалистов и певцов... Москва же сердито отвечает устам заместителя директора Госконцерта Александра Валентиновича Седова: «Итальянцы хотят нам отомстить, потому что на таможенные пошлины из золота, антиквариата и даже иконы, не говоря уже о четырех килограммах мифы на брата».

«Ла Скала» дала резкий и сноровый ответ на заявление Седова: «Так значит наши жалобы — это просто муть? Но какая там муть! Повседневное поведение Госконцерта и совершенно недостаточное содействие нашему театру были засвидетельствованы официально в первые же дни гастролей», — говорится в коммюнике дирекции театра, которая намеревается представить «официальный и подкрепленный документами протест» по дипломатическим каналам. Таможенная проверка, по словам дирекции, производилась в условиях, «выходивших не только за пределы законности, но и приличия. Мы хотим подать официальный протест, подкрепленный документами, и по этому поводу».